

10 15

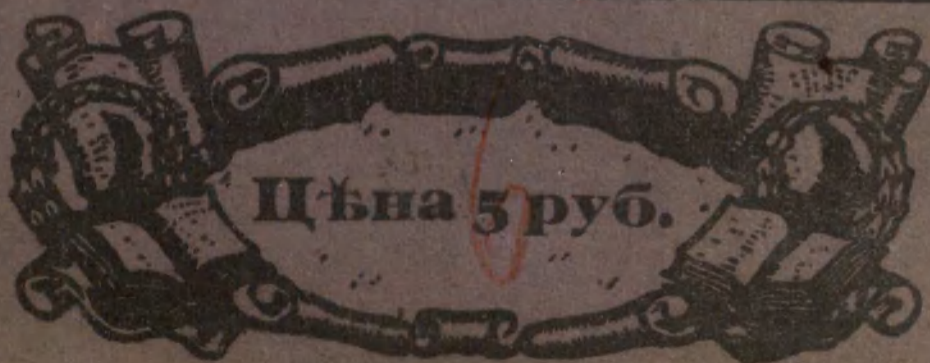
НАРОДОПРАВСТВО

ВТОРОЙ ТОМЪ.

ХРОНИКА ИДЕЙ И СОБЫТІЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Отъ октябрьскаго переворота
до брестъ-литовскаго
соглашенія.

1917-8 г. г.

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

23 Октября.

№ 13.
8/5559-22
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Собр. 1917 г. № 13. ✓

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. СТИХИ.
ПРОФ. Б. В. ЧРЕДИНЪ. СВОБОДА И ЦЕ-
ЗАРИЗМЪ.
ПРАПОРЩИКЪ УШАКОВЪ. ПОДЪ ОСЕН-
НИМЪ СОЛНЦЕМЪ.
Н: А. БЕРДЯЕВЪ. ОБЪЕКТИВНЫЯ ОСНО-
ВЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

ВЛАДИМИРЪ КАДАШЕВЪ. КРАСНАЯ ША-
ПОЧКА ВЪ ИСТЕРИКЪ.
С. ФЕДОРЧЕНКО. СОЛДАТСКІЯ БЕСЪДЫ.
ПЕТРЪ РЫССЪ. ЕМЕЛЬКИНА РУСЬ.
БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. СУДЬБА РОССІИ И
НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСЦІ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 3.
Тел. 3-97-14 и 61-03.

МОЛИТВЫ.

Стихи Вячеслава Иванова.

I.

Боже, спаси
Свѣтъ на Руси,
Правду Твою
Въ насъ вознеси,
Солнце любви
Міру яви,
И къ бытію
Русь obnovи!

Боже, веди
Вольный народъ
Къ той изъ свободъ,
Что впереди
Свѣтитъ землѣ
Кормчей звѣздой!
Будь рулевой
На кораблѣ!

II.

Созрѣлъ на нивѣ колосъ:
Жнецовъ, Господь, пошли,
И пусть народный голосъ
Вершитъ судьбу земли,
Твоимъ вѣлѣньямъ вѣренъ,
Твоей лишь Воли другъ...
Блужданіемъ измѣренъ
Путей вселенскихъ кругъ.

И съ тѣмъ пребыть, что было,
И жить, какъ встарь,—нельзя.
Недавнее постыло;
Обрывиста стезя.
И мгла по придорожью,
И подъ ногою—мгла...
Найдетъ ли правду Божью,
Сгоритъ ли міръ до-тла?

И Града мы взыскуемъ,
И нѣтъ поводыря;
Владыкой именуемъ
Единаго Царя,
Чья буди, буди воля
На небѣ и землѣ,
Въ златыхъ колосьяхъ поля
И въ людяхъ на селѣ.

СВОБОДА И ЦЕЗАРИЗМЪ.

Статья проф. Б. В. Чредина.

Въ древнихъ театральныхъ представленіяхъ внезапное появленіе божества часто разрѣшало все дѣйствіе. Запутанный узелъ сложныхъ явленій благополучно развязывался благодаря вмѣшательству свыше. Въ тѣ эпохи, когда «демагоги превращаются въ тирановъ», общій развалъ въ странѣ, суровая нужда и нехватка вселяютъ въ народъ жажду чуда и надежду на появленіе новаго лица, которое придетъ, какъ *deus ex machina*, и водворитъ наконецъ прочный порядокъ. Конечно, въ исторіи чудесъ не бываетъ. Настоящее подготовлено прошлымъ и червато будущимъ. Сама жажда чуда выдаетъ разочарованіе народа въ собственныхъ силахъ и составляетъ, въ связи со всѣми условіями, въ которыхъ протекала и протекаетъ жизнь страны, одну изъ причинъ успѣшнаго выступленія того, кто окажется способнымъ внести успокоеніе въ разыгравшіяся страсти. Неувѣренность народа въ себѣ, отчаяніе въ собственныхъ силахъ, способствуетъ успѣху той политической системы, которая извѣстна подъ именемъ цезаризма. Во время господства этой системы устанавливается, по видимости на основаніи народной воли, единоличная власть, и осуществляется она съ внѣшнимъ соблюденіемъ законныхъ предписаній, но, по существу съ нарушениями основныхъ правъ народа. Пути и средства, къ которымъ прибѣгаютъ захватчики верховной власти, бываютъ различны въ зависимости отъ времени и мѣста. Но въ нихъ обнаруживаются однако общія черты. Нагляднѣе всего онѣ представлены въ дѣятельности основоположника цезаризма—Кая Юлія Цезаря, давшего всей системѣ свое имя.

Кассій Діонъ сохранилъ замѣчаніе Цезаря объ основахъ власти. «Двѣ силы», говорилъ Цезарь, «подготавливаютъ, сохраняютъ и увеличиваютъ власть: солдаты и деньги; одно поддерживаетъ другое». По словамъ Діона, такъ Цезарь думалъ объ этомъ всегда и это высказывалъ. Несомнѣнно, сила меча и злата содѣйствуетъ власти. Но какъ достать деньги въ потребномъ количествѣ на вознагражденіе солдатъ и для привлеченія на свою сторону гражданъ, а кромѣ того, какъ изъ вооруженныхъ людей создать войско? Цезарь для полученія денежныхъ суммъ не останавливался передъ крайними средствами. Пригрозивъ народному трибуну Метеллу смертью за то, что тотъ не допускалъ его къ государственному казначейству, противодѣйствовалъ его намѣреніямъ, по осторожному выраженію самого Цезаря, онъ сломилъ этимъ его сопротивление. Всѣ средства хороши для Цезаря, лишь бы они вели къ достиженію главной цѣли—власти. Благодаря Цицерону и Светонію извѣстна любимая поговорка Цезаря: «Если ужъ нарушать справедливость, такъ нарушать для достиженія престола, въ прочихъ же случаяхъ поступать надлежитъ честно». У Цезаря двѣ мѣрки: одна для оцѣнки поступковъ, приводящихъ къ власти, другая для дѣль, ничего общаго съ видами на власть не имѣющихъ.

Съ цѣлью расположить къ себѣ воиновъ Цезарь не скупился на обѣщанія. «Ждите всего отъ моей побѣды

и щедрости», говорилъ онъ солдатамъ. Прибѣгалъ онъ съ той же цѣлью и къ хитрости. Однажды Цезарь занялъ деньги у сотниковъ и трибуновъ военныхъ и роздалъ ихъ воинамъ. Это сдѣлано было, какъ объясняетъ онъ самъ въ своихъ «Запискахъ о гражданской войнѣ», съ двойной цѣлью: сотники и трибуны привязались къ нему, опасаясь за свои деньги, а воины были ему признательны за его щедрость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь обуздывалъ дерзость и своеволие солдатъ, поддерживая въ войскѣ строгую дисциплину.

Цезарь зналъ, чѣмъ зажечь въ солдатахъ волю къ побѣдѣ и какъ создать изъ нихъ могучее войско. Онъ нашелъ лозунгъ, съ которымъ солдаты шли на бой и достигали побѣды. Лозунгъ этотъ—свобода народа. Свои дѣйствія и начатую имъ междоусобную войну Цезарь оправдывалъ тѣмъ, что они дадутъ народу свободу. По его словамъ, не для того покинулъ онъ свою провинцію, чтобы вредить другимъ, но для того, чтобы возратить для себя и для народа римскаго свободу, подавленную небольшой кучкой нѣкоторыхъ лицъ. И эти слова не проходили для войска безслѣдно. Солдаты прониклись сознаниемъ того, что они, сражаясь за Цезаря, сражаются за свою свободу. Одинъ изъ добровольцевъ, служившій въ войскѣ Цезаря, участникъ борьбы Цезаря съ Помпеемъ, прекрасно выразилъ это настроеніе обратившись передъ битвой (при Фарсалѣ) къ товарищамъ по оружію съ призывомъ оправдать тѣ надежды, которыя возлагалъ на нихъ вождь. «Еще одно и послѣднее сраженіе, и полководецъ нашъ возстановитъ свою честь, а мы—нашу свободу. Сказавъ это, онъ первымъ бросился въ ряды непріятелей. Его примѣръ увлекъ за собою другихъ.

Цезарь стремился показать, что онъ защищаетъ дѣло всего народа, что искреннимъ его желаніемъ было щадить кровь воиновъ и сберечь для отечества оба враждебныя войска—свое и Помпея, что народу онъ обязанъ своею властью. Но въ дѣйствительности онъ опирался на народъ лишь постольку, поскольку учитывалъ его безсиліе къ плодотворнымъ занятіямъ общественными дѣлами. «Цезарь или покорялъ непріятелей оружіемъ согражданъ, или поработалъ своихъ согражданъ деньгами, отнятыми у непріятелей». Эта рѣзкая оцѣнка дѣятельности Цезаря, принадлежащая Плутарху, несмотря на свои преувеличенія, вѣрно передаетъ тотъ общій духъ, который проникалъ мѣропріятія Цезаря, какъ бы ни были они мудры и какъ бы ни отвѣчали нѣкоторыя изъ нихъ благу народа. Цезарь искусно подмѣнилъ свободу всего народа свободой для себя и для своего войска. Въ этомъ заключается существо цезаризма—опираясь на войско, проводить свои личныя цѣли во имя свободы и отъ имени всего народа.

Основанная Цезаремъ система неоднократно навлекла на римское государство несчастья и потрясенія. Римскому государству приходилось переживать междоусобныя войны, причиной которыхъ было не столько честолюбіе провозглашенныхъ императорами, сколько корыстолюбіе и разнузданность солдатъ,

выбивавшихъ, по выраженію Плутарха, одного предводителя другимъ, какъ гвоздь гвоздемъ. И вѣчная опасность междоусобной войны, той войны, гдѣ счастье побѣдителя есть несчастье родины, заключается въ войскѣ, интересы котораго расходятся съ интересами всего народа.

Распадъ населенія на отдѣльныя, ничѣмъ не связанные между собой, а подчасъ и враждебныя, группы идетъ на пользу того, на чьей сторонѣ окажется войско и кто сумѣетъ использовать благопріятныя обстоятельства. Величайшій ужасъ междоусобной войны заключается въ томъ, что во время нея власть сплошь и рядомъ достается не такимъ гениальнымъ вождямъ и мудрымъ правителямъ, какимъ былъ Цезарь, но людямъ, совершенно ничтожнымъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ прихоти солдатской массы. Одинъ примѣръ лучше всего покажетъ, въ чьихъ рукахъ по волѣ вооруженной силы можетъ очутиться власть. Смутное время, наступившее въ римскомъ государствѣ въ промежуткѣ между смѣной Дома Юліевъ и Клавдіевъ Домомъ Флавіевъ, доставило власть Авлу Вителлію человѣку во всѣхъ отношеніяхъ недостойному, отличительными качествами котораго были обжорство, распутство и жестокость. Узнавъ о поражении своего противника, императора Отона, Вителлій изъ Галліи отправился въ Римъ. Его путь описанъ Тацитомъ и Светоніемъ. Во время своего марша онъ проѣзжалъ черезъ города, какъ триумфаторъ, черезъ рѣки—на роскошнѣйшихъ судахъ, украшенныхъ всевозможными вѣнками и снабженныхъ безконечными запасами провизіи. Среди солдатъ дисциплина пала. Они грабили и безчинствовали безнаказанно. Къ ихъ грабѣжамъ и своеволію новый императоръ относился шутиливо. Но вотъ Вителлій вступилъ на поле, гдѣ произошло сраженіе. Оно являло собой отвратительное и ужасное зрѣлище. Уже былъ сороковой день, какъ произошло сраженіе, а лежали еще растерзанные трупы, отрубленные члены человѣческаго тѣла, разлагающіяся формы людей и лошадей, видна была запятнанная запекшеюся кровью земля, зіяла пустота, происшедшая вслѣдствіе уничтоженія деревьевъ и посѣвовъ. Нѣкоторые изъ спутниковъ Вителлія стали отворачиваться отъ разлагавшихся труповъ, но самъ

онъ, рѣшивъ ободрить ихъ, произнесъ слова, заслуживающія проклятія, какъ отозвался о нихъ Светоній: «Хорошо пахнетъ убитый врагъ, а еще лучше—согражданинъ»...

Личный произволъ всегда и господство толпы очень часто сопутствуютъ системѣ, построенной на преклоненіи передъ волей одного человѣка и на презрѣніи къ народнымъ учрежденіямъ. Но такова сила одного лишь имени свободы. Для измученнаго народа въ немъ заключенъ удобный предлогъ ввѣрить судьбу свою всякому, кто на словахъ обѣщая свободу, а на дѣлѣ подавляя ее, водворить въ странѣ порядокъ. Но если народъ пребываетъ въ непоколебимомъ убѣжденіи въ томъ, что свобода, обеспеченная установленными имъ самимъ учрежденіями, есть необходимое условіе его преуспѣянія и развитія, то онъ не станетъ ждать ея ни отъ кого другого, какъ только отъ себя самого.

Глубокой вѣрой въ мощь демократическихъ учрежденій дышитъ рѣчь Брута, произнесенная имъ вскорѣ послѣ убійства Цезаря передъ собраніемъ гражданъ на Капитоліи. Рѣчь эта сохранена Аппіаномъ. По мнѣнію Брута, римскій народъ тысячу разъ предпочтетъ умереть, чѣмъ добровольно возложить на себя оковы рабства. Въ устахъ Брута это значить, что свобода есть неотъемлемая принадлежность народа, что она укрѣпляется учрежденіями, а не единоличной волей кого бы то ни было, что свободныя учрежденія нельзя унижать въ угоду захватчику власти. Брутъ вѣрно понялъ существо власти, основанной на волѣ всего народа, но не понялъ своего времени. Народъ усталъ. Свобода для него была освобожденіемъ отъ тревогъ. Онъ стремился къ покою. Въ сердцахъ гражданъ таилась грусть о безвременной кончинѣ Цезаря.

Невыразимо печально время омраченія народныхъ упованій. Безысходная тоска, сковавшая душу народа, всемирно способствуетъ борьбѣ за власть, ибо великая жажда повиновенія охватываетъ народъ. Вѣдь «никто въ большей степени не склоненъ подчиняться чужому руководству, какъ человѣкъ, подавленный несчастьями». Это наблюденіе Плутарха исполнено жуткой жизненной правды.

Б. В. Чрединъ.

ПОДЪ ОСЕННИМЪ СОЛНЦЕМЪ.

Письмо съ фронта прапорщика Ушакова.

Я сижу среди могилъ и пишу вамъ это письмо. И, конечно, если бы я не надумалъ бѣжать изъ тѣсной и душной молдаванской избы, гдѣ нѣтъ отбою отъ назойливыхъ мухъ и разговорчивыхъ товарищей, вотъ сюда на это тихое кладбище, я бы не написалъ вамъ ничего. Здѣсь окраина пограничнаго молдаванскаго сельца-деревушки С., гдѣ мы сейчасъ стоимъ. Село налѣво раскинулось къ рѣчкѣ, а направо безконечное кукурузное поле и въ немъ, за тѣми холмами, верстахъ въ двухъ отсюда наши окопы. Тамъ сейчасъ удивительно тихо: рѣдко, рѣдко стукнетъ одинокии выстрѣлъ и еще рѣже бахнетъ орудіе.

А на этомъ братскомъ кладбищѣ еще пустынно и тише. Когда то это было просто деревенское кладбище, заросшее травой, обсаженное деревьями, съ глубокой канавой. Когда вспыхнула война, полямъ вкругъ сельца, какъ лежащимъ у границы, пришлось

сдѣлаться ареной первыхъ кровавыхъ столкновеній. И первая обильная жертвы приняло деревенское кладбище. Заросшую бурьяномъ бугристую землю стараго кладбища изрыли новыми ямами, въ ямы закопали сотни солдатскихъ тѣлъ, покрыли ямы свѣжими холмиками, покрыли старое кладбище цѣлымъ лѣсомъ новыхъ, наскоро сколоченныхъ, бѣлыхъ крестовъ и ушли. Ушли впередъ въ глубь Галиціи, такъ какъ бѣжалъ врагъ, и на кладбищѣ снова стало такъ же тихо, какъ тихо было сотни лѣтъ передъ тѣмъ. Только лишь старые покривившіеся кресты затерялись въ бѣломъ лѣсу новыхъ. Прошло полтора года. Выходило и заходило солнце, лилъ дождь и дулъ вѣтеръ, чернильныя надписи на могильныхъ крестахъ стерлись, и бѣлые кресты стали сѣрыми, а когда наступила весна, на новыхъ холмикахъ могилъ выросъ бурьянъ, и на селѣ уже привыкли говорить о пронес-

шейся бурь, какъ о чемъ то давно пережитомъ и благополучно миновавшемъ.

Но вернулась бѣда, пришли назадъ войска и снова на тѣхъ же холмахъ завязался бой. Каждый день десятками приносили новыхъ мертвецовъ на кладбище и рыли для нихъ новыя ямы и ставили новыя кресты, а старыя выдергивали и уносили съ собой на дрова, такъ какъ была зима, было холодно и дровъ негдѣ было достать. За полгода удвоилась семья стараго кладбища, а когда весною вновь прогнали врага и ушли, по прежнему стало тихо на немъ, лишь кресты были новыя, чистыя.

И еще прошелъ годъ и вновь побурѣли кресты, и третій разъ вернулись люди на омытыя кровью поля. Это вотъ нынче въ эту осень. И такъ же, какъ въ прошломъ году, таскають солдаты на дрова старыя могильныя кресты и уже порастащили почти всѣ и такъ же каждый день появляются на немъ все новыя и новыя.

Такова судьба этого расхищеннаго кладбища и этого разореннаго края. Три раза край этотъ былъ ареной кровавыхъ боевъ и здѣсь на немногихъ уцѣлѣвшихъ крестахъ вы прочтете даты трехъ эпохъ великой войны.

Но не объ этомъ сегодня рѣчь. Да, сегодня рѣчь объ итогахъ, но не великой войны, а великой революціи.

Сегодня днемъ жарко припекало солнце, и казалось, что еще осень далеко, но вотъ вечеръ пришелъ по осеннему холодный, а закатъ совсѣмъ не похожъ на грустные июльскіе закаты.

Въ холодныхъ лучахъ заходящаго солнца желтѣющіе листья садовъ дѣлались багряно-красными, а на душѣ росла тоска, знакомая гостя осеннихъ вечеровъ. Осень—пора грустныхъ разочарованій, время итоговъ и подсчетовъ. Желтые листья—сѣдые волосы—осенью оборачиваются назадъ и смотрятъ на пройденный путь.

Каждый годъ, съ первыми каплями талаго снѣга, просыпается наша уснувшая въ зимніе сумерки душа и каждый годъ, кто то невидимый нашептываетъ ей прекрасныя сказки, говорить ей о дивныхъ чудесахъ, и каждый годъ душа вѣрить имъ и окрыленная надеждой на несбыточное и восторженная, и безпричинно радостная рвется въ даль.

И каждый годъ подъ холодъ сентябрьскихъ закатовъ груститъ о несбывшихся мечтахъ и тоскуетъ о померкшихъ даляхъ.

И я говорю: таковъ удѣлъ всѣхъ тварей. И уже такъ подло устроены чловѣкъ, что несмотря на весь обманъ прежнихъ лѣтъ, на всю горечь прежнихъ бесплодныхъ исканій, съ новымъ весеннимъ солнцемъ «разсудку вопреки» упрямо вѣрить, что новое солнце—не солнце прежнихъ лѣтъ и уже оно навѣрное не обманетъ, и на этотъ разъ навѣрное сбудутся прекрасныя сказки. У каждаго изъ насъ свой жизненный путь, и каждый изъ насъ на этомъ жизненномъ пути пережилъ обольщенія прекрасными далями и пережилъ разочарованія. И, конечно, ихъ было много и онѣ были разныя, очень яркія и очень тусклыя, очень глубокія и очень поверхностныя, но вѣдь, сознайтесь, что не ошибусь, сели скажу, что такого безразсуднаго обольщенія, какое принесла намъ ушедшая весна и такого страшнаго разочарованія, какое несетъ намъ надвигающаяся осень, мы не пережили и не переживемъ. Вы помните, какую бездну восторга, какую фанатич-

ную вѣру въ свѣтлое будущее принесли намъ нынѣшней весной первыя капли талаго снѣга.

И отъ этихъ безумныхъ восторговъ тѣхъ мартовскихъ дней путь къ нашему сегодняшнему отчаянію. Сейчасъ мы у разбитаго корыта.

Сотни лѣтъ тайно чтимая и трепетно ожидаемая Святая Дѣва революции оказалась дѣвой распутной. Насъ нищихъ разорила въ конецъ, не дала палатъ каменныхъ, а доброе имя смѣшала съ грязью, и сейчасъ мы передъ пятномъ самаго страшнаго позора и передъ бездною послѣдняго паденія.

Какая то чудовищная иронія, страшная насмѣшка судьбы.

Если бы разбудить сейчасъ одного изъ множества добрыхъ офицеровъ, зарытыхъ на этомъ кладбищѣ, чтобы было съ нимъ?

Ну вотъ, предположимъ, что разбудили.

Предположимъ, что онъ такъ же свято любить русскій народъ, какъ любимъ его мы, что онъ такъ же вѣрить въ русскаго солдата, какъ вѣрили мы, и еще, что сердце его, сердце правовѣрнаго русскаго революціонера.

Словомъ предположимъ, что онъ намъ братъ по духу, но только ушелъ изъ жизни до срока и до переворота унесъ съ собой въ могилу свои чаянія, вѣрованія и мечты. И вотъ теперь онъ проснулся отъ своего смертнаго сна.

Мы ему ни словомъ не зайкнемся про то, что было въ эти полгода. Мы просто пойдѣмъ съ нимъ на деревню, въ поле, въ окопы посмотрѣть, что дѣлають, какъ живутъ земляки, что творится въ полку.

Когда онъ увидитъ перваго попавшагося ему навстрѣчу солдата, горячая волна зальетъ его сердце. Какъ брата роднаго, какъ любимаго друга онъ встрѣтитъ его, роднаго, любимаго русскаго солдата.

То, что этотъ солдатъ пройдетъ мимо него, какъ проходитъ мимо встрѣчнаго молдаванина, отъ этого ему будетъ больно и стыдно. Нестерпимо больно и стыдно; какъ будто не солдатъ, а онъ сдѣлалъ что-то нехорошее или какъ будто онъ виновенъ въ распущенности встрѣчнаго солдата. Но все же этотъ маленькій эпизодъ съ встрѣчнымъ солдатомъ не уничтожитъ его приподнятаго настроенія и все еще радужный онъ пойдетъ дальше.

И вездѣ, куда онъ будетъ приходить, вездѣ его будутъ въ первый моментъ умилять и трогать знакомыя сцены полковой окопной жизни и родныя лица «земляковъ».

И вездѣ, и всюду вслѣдъ за этой вспышкой радости встрѣчи будутъ камнемъ ложиться на душу впечатлѣнія отъ того ужаса и развала, который скрытъ привычными формами установленныхъ взаимоотношеній.

За день онъ увидитъ многое.

Увидитъ все, чѣмъ «красна» сейчасъ окопная жизнь.

Увидитъ окопы небрежно и неладно вырытые и недорытые. Увидитъ грязь и не порядокъ въ нихъ. Увидитъ винтовки и нечищенныя, и въ беспорядкѣ разбросанныя, солдатъ растрепанныхъ и распущенныхъ, свободно и безъ винтовокъ разгуливающихъ по позиціямъ.

Увидитъ, какъ солдаты таскають на растопку колья отъ проволочныхъ загражденій, ужаснется полнѣйшей безучастности и индифферентности офицеровъ.

Цѣлый день вездѣ и въ окопахъ, и на дорогѣ, и у кухонь, и у колодцевъ вездѣ будетъ слышать непрекра-

щающуюся невѣроятно гнусную матерную брань. Услышать, какъ офицеры и солдаты, всѣ какъ одинъ твердятъ все одни и тѣ же идиотски гнусныя слова.

И многое, многое еще увидить и услышать. Увидить группы картежниковъ и груды денегъ на кону.

Вы представляете, какимъ онъ вернется назадъ на кладбище.

Онъ все еще о переворотѣ ни отъ кого ничего не слыхалъ.

Онъ придетъ совершенно разбитый, пораженный, растерянный. Сядетъ на край могильнаго холма и обхватитъ голову руками.

И будетъ твердить съ отчаяніемъ.

«До чего довели, до чего довели. Вѣдь это позоръ, вѣдь это ужасъ. Да какъ это терпѣть, какъ это переносить русскій народъ. Развѣ можно терпѣть, развѣ можно ждать и думать? Вотъ къ чему привела бездушная муштра и хваленая «палочная» дисциплина. Къ полному развалу, къ полному моральному банкротству. И развѣ можно ждать. Преступно ждать. Нужно сейчасъ же бить тревогу, чтобъ проснулся народъ, чтобъ сбросилъ съ себя страшное «ярмо самодержавія».

Предположимъ, что вы стерли съ лица невольно набѣжавшую улыбку и спросили тономъ невѣрующаго резонера: А что же вы ждете отъ этого? Что принесетъ съ собой этотъ переворотъ?

Засверкаютъ глаза собесѣдника:

— Какъ, что! Что за вопросъ. Да, вѣдь, народъ станетъ свободнымъ, да представляете ли вы себѣ, что тогда будетъ, когда народъ, да народъ, нашъ великій народъ будетъ свободнымъ. Быть свободнымъ, это значить, воскреснуть! Воскреснетъ народъ и новая жизнь, свѣтлая, радостная, красивая начнется на Руси. Это на Руси то, на бѣдной, многострадальной Руси. Народъ таитъ въ себѣ залежи непочатыхъ силъ, выйдутъ изъ нѣдръ воспрянувшаго народа вожди и гении, и ихъ праведными руками сколочено будетъ новое счастье народа.

— Пойдите, — перебьете вы вашего восторженнаго собесѣдника: — Скажите вы мнѣ, а если это случится, что будетъ тогда съ арміей русской, вотъ съ этими солдатами!

— Какъ что? Армія станетъ свободной. «Христоролюбивое и непобѣдимое воинство» станетъ свободолюбивымъ и дѣйствительно непобѣдимымъ. Да и какъ его тогда побѣдить. Вѣдь не будетъ тогда этой развалившейся дисциплины насилия, а будетъ новая, другая, дисциплина довѣрія. Какъ не побѣдить солдату, на знамени котораго великія слова о свободѣ и равенствѣ! Какъ могучая живительная гроза пройдетъ рать свободаго народа отъ края и до края, сокрушитъ всѣ престолы, уничтожитъ всякое насиліе на землѣ и по всей землѣ разнесетъ свою свободную волю. Развѣ вы не любите свой народъ, развѣ вы не вѣрите въ него? Если не вѣрите, вѣрьте мнѣ: я вѣрю въ него, потому

что знаю его. Повѣрьте сами себя: если бы сейчасъ пришла радостная вѣсть свободы, развѣ бы вы не забыли все на свѣтѣ и себя, и семью, и всѣ свои дѣла, и развѣ вы не отдали всего себя на жертвенный алтарь революціи? А? И вѣдь это же съ каждымъ случится, каждый воспрянетъ, воскреснетъ и чудо свершится на землѣ.

— Вы все въ сторону загибаете. Вы больше насчетъ арміи. Ну вотъ какъ по вашему офицеры? Что съ ними будетъ?

И отвѣтитъ вамъ:

«Офицеры вожди арміи, а поэтому это самое цѣнное, самое важное въ ней. Каковы будутъ офицеры, такова будетъ и армія, это знали полководцы и военачальники всѣхъ странъ и народовъ, и поэтому искони удѣляли такъ много вниманія воспитанію и обученію офицерскихъ кадровъ. У насъ это приняло извращенныя формы. И все же, несмотря на всѣ неслучности и извращенія, все же и въ нашей арміи офицеръ остова всего военнаго организма и въ солдатскихъ глазахъ учитель и начальникъ. Но это сейчасъ, при этихъ гнусныхъ порядкахъ, при системѣ умышленно сѣющей рознь между офицерами и солдатами. Въ той грядущей, новой жизни будетъ не то. Тамъ офицеръ будетъ дѣйствительно вождемъ своего меньшаго брата солдата. И прежде чѣмъ быть его начальникомъ, онъ будетъ его другомъ и учителемъ. Сейчасъ званіе офицера оплевано и унижено, въ свободной арміи это будетъ самымъ почетнымъ званіемъ, и это дастъ тѣмъ прекрасныхъ офицеровъ изъ тѣхъ русскихъ лучшихъ людей, которые теперь при этомъ положеніи вещей на офицерскій мундиръ такъ же глядятъ, какъ на шинель городского».

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Да что говорить. Развѣ вы не знаете, что скажетъ вашъ пылкій собесѣдникъ на любой вами заданный вопросъ и развѣ онъ не вы сами въ недавніе годы?

Теперь вамъ стало еще холоднѣе, еще тоскливѣе отъ горячихъ рѣчей воскресшаго двойника. Но что же дѣлать. На то и осень, пора итоговъ, чтобъ воскрешать былое, оглядываться назадъ.

Сейчасъ злая зима на носу и скоро заботы о березовыхъ дровахъ и тепломъ байковомъ одѣялѣ на зиму вытѣснятъ изъ души послѣдніе проблески былого энтузіазма.

Зима будетъ лютая и холодная, но и ей когда нибудь придетъ конецъ.

А когда повѣетъ мартовскимъ тепломъ, вѣдь не можетъ не случиться того, что не встрепенется застывшая душа!

И снова будемъ вѣрить, и снова будемъ горѣть святымъ огнемъ, и жить, жить и жить, пока холодная осень не раскинетъ своихъ багряныхъ закатовъ по вечернему небу и не заставитъ сердце смириться и погаснуть до новой весны.

Прапорщикъ Ушаковъ.

ОБЪЕКТИВНЫЯ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Статья Н. А. Бердяева.

I.

Ходъ русской революции обнаружилъ, что основной и насущной нашей потребностью является потребность въ просвѣщеніи, въ знаніи, въ болѣе сознательномъ отношеніи къ общественной жизни. Мы объаты тьмой и правятъ нами безсознательныя стихійныя движенія. Въ тьму эту погружены не только народныя массы, но и широкіе круги русской интеллигенціи. Русская революціонная интеллигенція, которая претендуетъ нести свѣтъ народу, никогда не была истинно просвѣщенной, образованной, культурной, она была полу-просвѣщенной, ея сознание было задѣто лишь поверхностнымъ просвѣтительствомъ. А полу-просвѣщеніе, поверхностное просвѣтительство хуже той совершенной непросвѣщенности, въ которой живетъ народъ, если народъ не потерялъ еще своей непосредственной, органической вѣры. Поверхностное просвѣтительство легко приводитъ къ нигилистическому отрицанію всѣхъ святынь и цѣнностей. Въ русской интеллигенціи полу-просвѣщеніе и породило нигилизмъ, въ которомъ многие видятъ своеобразное порожденіе русскаго духа. Когда этотъ нигилизмъ полу-просвѣщенія распространяется въ народныя массы и замѣняетъ въ душѣ народной угасшую вѣру, то начинается разрушаться вся національная, государственная и культурная жизнь. Тогда начинаемъ сознавать мы, что нуждаемся болѣе всего въ настоящемъ просвѣщеніи, которое ничего общаго не имѣетъ съ разсудочнымъ и отрицательнымъ просвѣтительствомъ. Настоящее просвѣщеніе научило бы насъ тому, чему не научаетъ полу-просвѣщеніе,— познанію объективныхъ началъ общественности. И тогда не происходило бы тѣхъ оргій развращенной социальной мечтательности и субъективнаго чело-вѣческаго произвола, которыя нынѣ происходятъ. Разсудочное просвѣщеніе, т.-е. полу-просвѣщеніе, бессильно раскрыть объективный разумъ въ общественной жизни, объективные ея принципы, оно всегда благопріятно чело-вѣческому субъективизму, оно воспитываетъ неуваженіе къ исторіи и игнорированіе природныхъ основъ общественной жизни. Русскому интеллигентскому полу-просвѣщенію всякая законмѣрность въ природной и общественной жизни представляется довольно таки «буржуазной» и для революціоннаго, пролетарскаго мышленія необязательной. Столь же «буржуазными» представляются и всѣ нормы общественности, заложенныя въ общемъ разумѣ и общей совѣсти. Всякое сознание обусловленности общественной жизни объективными космическими началами представляется порожденіемъ «буржуазнаго» мышленія тѣмъ, которые мыслятъ «пролетарски»¹⁾, т.-е. безъ всякихъ традицій мысли, безъ всякихъ связей съ глубокими истоками жизни. Такое «пролетарское» мышленіе не хочетъ знать отечества, не хочетъ знать происхожденія, т.-е. отвращается

отъ глубокихъ основъ всѣхъ вещей, отъ глубокихъ корней. Это и есть враждебный культурѣ нигилизмъ, провозглашающій во всемъ безграничный произволъ сыновъ, порвавшихъ всякую связь съ отцами. Такого рода «пролетарское» и интеллигентски-полупросвѣщенное мышленіе и не пытается раскрыть и познать глубочайшія основы общественности, ибо это завело бы въ таинственную глубину космической жизни и ограничило бы чело-вѣческіи произволъ.

Полу-просвѣщенное, интеллигентское, пролетарское мышленіе видитъ въ общественной жизни съ одной стороны исключительно субъективные интересы людей и людскихъ группъ, ихъ злую волю, ихъ насилие и эксплуатацію, что и составляетъ содержание исторіи, съ другой стороны борьбу противъ всего этого и безграничную возможность достигнуть совершеннаго социального строя путемъ организованной и активной чело-вѣческой воли, пролетарской или интеллигентской. Такого рода поверхностное мышленіе соединяетъ крайній пессимизмъ по отношенію къ прошлому (все сплошное зло) съ крайнимъ оптимизмомъ по отношенію къ будущему (все сплошное добро). Это состояніе сознания порождаетъ много ненависти, злобы и разединенія. Вся душевная энергія направляется противъ тѣхъ злодѣевъ, которые мѣшаютъ водворенію окончательнаго равенства и социального рая на землѣ. Эти злодѣи въ русской революціи получили наименованіе «буржуевъ» и имъ приписываются отчаянныя козни, заговоры и интриги. Какіе-то чудовищные размѣры принимаетъ и злодѣйская роль кучки капиталистовъ и благостная роль пролетаріата, который съ этой кучкой расправится. Исторія исключительно опредѣляется злой и доброй субъективной волей людей, злымъ или добрымъ субъективнымъ интересомъ людей. Въ этой концепціи полная моральная безответственность своеобразно соединяется съ вѣчнымъ моральнымъ вмѣненіемъ людямъ за объективный общественный строй. Полу-просвѣщенное, «пролетарское» сознание совершенно убѣждено, что если сейчасъ нельзя ввести въ Россіи социалистическаго строя, то исключительно потому, что этого не хочетъ и не допускаетъ злая воля буржуазіи. И если положить предѣлъ этой буржуазной волѣ путемъ вооруженныхъ выступленій, насилия и истребленія, то социализмъ осуществится. Г. Ленинъ дошелъ до такого забвенія азбуки марксизма, элементовъ социальныхъ и экономическихъ знаній, что предлагалъ арестовать 100 капиталистовъ и отъ этого бессмысленнаго дѣйствія ждалъ приближенія социализма! Революціонная психологія, доведенная до максимализма, должна окончательно отрицать объективную науку. Марксизмъ представляетъ смѣсь полу-просвѣщенія, т.-е. субъективно-пролетарскаго мышленія, съ настоящимъ просвѣщеніемъ, т.-е. съ элементами объективной социальной науки. Но русскіе усвоили себѣ по преимуществу полу-просвѣщеніе марксизма, т.-е. классовую точку зрѣнія, не знающую надъ собой ничего высшаго, никакой высшей инстанціи.

¹⁾ Подъ «пролетарскимъ» я понимаю особый типъ мысли, а не мышленіе рабочихъ, которые могутъ мыслить и иначе.

II.

Нѣтъ никакой возможности вбить въ голову русских социалистовъ объективную истину марксизма о развитіи производительныхъ силъ, какъ экономическомъ базисѣ социализма, о зависимости распредѣленія отъ производства, о законмѣрности социального развитія, о реакціонности всѣхъ социалистическихъ экспериментовъ, уменьшающихъ производительность труда и т. п. Все объективное отскакиваетъ отъ полу-просвѣщеннаго интеллигентскаго и пролетарскаго сознания, не проникаетъ въ него, это сознание не способно заинтересоваться истиной, отдаться хотя бы на короткое время незаинтересованному познанию, оно—элементарно эмоционально. Полу-просвѣщенная, классовая философія исторіи объясняетъ все злой волей эксплуататоровъ и не способна познать тѣ объективныя начала государственнаго, общественнаго и культурнаго бытія, которыя возвышаются надъ всякимъ произволомъ людей. Полу-просвѣщеніе на службѣ у классовой озлобленности не можетъ и не хочетъ понять, что многія неравенства имѣютъ объективныя, не въ злой волѣ эксплуататоровъ лежащія причины, и оправданы тѣмъ уровнемъ, на которомъ находится человѣческая культура. Равенство, не соответствующее степени побѣды человѣка надъ стихійными силами природы, привело бы къ еще болѣе бѣдности и нуждѣ и культурно отбросило бы человѣчество назадъ. Социальный вопросъ есть прежде всего вопросъ производственный, а не распредѣлительный, это—вопросъ овладѣнія стихійными силами природы. Замѣчательный русский мыслитель Н. Э. Федоровъ былъ правъ, когда говорилъ, что вопросъ социальный есть въ болѣе высокой степени вопросъ естествознанія, чѣмъ социологии. Требованіе уравниванія въ бѣдности есть реакціонное гребованіе, враждебное творчеству культуры. Въ болѣзненномъ и мучительномъ вопросѣ о бѣдности и нуждѣ народной массы совершенно второстепенное значеніе имѣетъ то, что сравнительно небольшая кучка людей достигла богатства и благосостоянія. Это—вопросъ моральный. Нужда вызывается не столько матеріальнымъ возвышеніемъ богатыхъ и эксплуатаціей съ ихъ стороны, сколько объективной бѣдностью человѣчества, низкимъ уровнемъ культуры, овладѣвающей стихійными силами природы. Никакой раздѣлъ не можетъ разрѣшить проблемы бѣдности и нужды, самъ по себѣ онъ лишь опускаетъ ниже уровеньъ человѣчества. Вопросъ же объ установленіи внутренняго братства между людьми есть вопросъ религіозный и моральный, а не экономическій и социальный.

Поистинѣ направленіе нашего сознания и нашего мышленія на объективное, на незаинтересованное выясненіе истины есть одинъ изъ методовъ лѣченія нашихъ болѣзней, есть освобожденіе отъ социальной злобы и ненависти, которая дѣлаетъ рабами. Паѳосъ объективности—благородный паѳосъ, въ немъ есть самоотверженная любовь къ истинѣ и въ немъ больше человѣчности, чѣмъ въ разъяренныхъ оргіяхъ безграничнаго, субъективно-человѣческаго произвола, все склоннаго объяснять такимъ же злымъ человѣческимъ произволомъ. Познаніе началъ, возвышающихся надъ всякой злобой людской, облагораживаетъ человѣка. Паѳосъ объективности ведетъ къ болѣе благородному пониманію социализма, какъ регуляціи стихійныхъ силъ, т.-е. прежде всего, какъ проблемы высшей культуры, и матеріальной, и духовной. Со-

циализмъ зависти и мести преодолевается. Ярость, злоба, ненависть, жажда крови и насилій прекратится, когда народная масса просвѣтится сознаниемъ того, что въ Россіи сейчасъ невозможенъ социализмъ и безграничное увеличеніе благосостоянія рабочихъ и крестьянъ, невозможно полное социальное равенство не потому только, что этого не хотятъ буржуазные, имущіе классы, но прежде всего потому, что это невозможно объективно, что это противорѣчитъ непреложнымъ законамъ природы, что этого не допускаетъ бѣдность Россіи, ея промышленная отсталость, некультурность народа, духовная немощь русскаго общества и т. п. Если возможенъ социализмъ (а онъ возможенъ лишь условно, такъ какъ онъ въ значительной степени есть абстракція), то онъ можетъ быть лишь результатомъ высокаго развитія производительныхъ силъ, интенсификаціи культуры, лишь порожденіемъ народнаго богатства, той избыточности, которая добывается творческой производительностью во всѣхъ сферахъ жизни. Социализмъ есть роскошь, которую могутъ себѣ позволить лишь богатые, онъ иредполагаетъ непреложныя объективныя условія. Социалистическіе эксперименты надъ отсталой и бѣдной страной по существу реакціонны, они отбрасываютъ назадъ и разлагаютъ. И русскіи революціонный социализмъ, русское революціонное народничество—порожденіе русской отсталости, русскаго экстенсивнаго хозяйствованія, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго.

III.

Отрицаніе объективныхъ началъ общественности жестоко наказуется. Объективный разумъ жестоко ударяетъ по безумствующимъ. И въ этомъ есть имманентная справедливость. Русскіи революціонный социализмъ, отворачивающійся отъ всего объективнаго, есть въ сущности своеобразная форма разсудочнаго, рационалистическаго безумія. Онъ хотѣлъ бы безъ остатка рационализировать общественную жизнь, подчинить ее своей фанатической идеѣ эгалитарной справедливости, не считаясь съ таинственными, космическими основами общества, и за это Богъ лишаетъ разума. Социализмъ отрицаетъ все таинственныя, мистическія силы исторіи и безуміе его—разсудочное безуміе. Полный, окончательный социализмъ невозможенъ уже потому, что онъ хочетъ выдѣлить данную общественность на ограниченной территоріи земли изъ міроваго цѣлага, изъ жизни космической и этотъ изолированный кругъ хочетъ онъ подчинить своему закону. Совершенная общественность была бы возможна лишь въ совершенномъ космосѣ, послѣ того какъ вырванъ былъ бы корень зла изъ природнаго порядка. Общественность есть явленіе космической жизни, она связана со всемъ космосомъ тысячами таинственныхъ нитей, космическія энергіи вѣчно врываються во всякую общественность, мнящую себя замкнутой системой, и опрокидываютъ все утопіи социальнаго рая. Космическая жизнь есть сложная іерархическая система, вся она слагается изъ ступеней и градаций, въ ней различествуетъ во славу солнце отъ луны и звѣзда отъ звѣзды и не случайно въ ней это неравенство, оно имѣетъ глубокія основанія. Космическій ладъ въ общественной жизни также предполагаетъ ступени и градации и полное ихъ низверженіе есть возстаніе противъ божественнаго міропорядка. Бытіе государства (независимо отъ формы правленія)

имѣть объективныя, космическія, въ концѣ концовъ божественныя основы. И когда вы провозглашаете, что государство есть лишь организція классоваго господства и служить тѣмъ или инымъ классовымъ интересамъ, вы разрушаете объективное бытіе государства. На этомъ пути разрушаете вы и всякую культуру. Когда вы говорите о «буржуазной» и «пролетарской» культурѣ, вы отвергаете цѣнности культуры, возвышающіяся надъ человѣческимъ интересомъ и произволомъ, и обнажаете звѣря въ человѣкѣ. Общественность, въ которой будетъ окончательно потеряна всякая связь съ мировымъ цѣлымъ и не будетъ никакихъ объективныхъ основъ, будетъ звѣриной общественностью, хотя она и будетъ создаваться во имя гуманизма. Побѣдой большевизма въ Россіи и создастся звѣриная жизнь.

Поскольку возможенъ и желателенъ частичный социализмъ, онъ долженъ быть подчиненъ объективнымъ началамъ государственнаго, національнаго, культурнаго бытія, онъ не можетъ быть субъективнымъ произволомъ класса, дѣтищемъ разъяренной человѣческой воли—уединенной въ себѣ и себя поставившей превыше всего. Источникъ зла, неправды и страданій жизни лежитъ не въ томъ, что существуютъ классы злодѣевъ-эксплуататоровъ и насильническія правительства, а въ томъ, что весь «міръ во злѣ лежитъ», что всякая воля человѣческая заражена грѣхомъ, что существуетъ круговая порука мирового зла и грѣха. Законъ въ природѣ и законъ въ обществѣ не есть источникъ зла, онъ скорѣе есть реакція объективнаго добра на зло, на хаотическую стихію. Зако-

номѣрность правды и закономерность общества есть царство справедливаго закона для грѣшнаго міра, въ которомъ невозможно благодатное царство Божье, невозможно блаженство безъ искупленія, безъ прохожденія черезъ Голгофу. Это и есть правда Ветхаго Заветъа, правда закона, правда десятисловія. Хаосъ долженъ быть подчиненъ закону. Произвольное расковыиваніе грѣховнаго хаоса не есть освобожденіе, въ немъ тонетъ и погибаетъ человѣкъ, образъ и подобіе Божье въ немъ. И поскольку революція расковыиваетъ грѣховный хаосъ и отрицаетъ правду закона, въ ней есть безбожное начало, начало темное и злое. Путь къ высшей свободной, благодатной жизни лежитъ черезъ законъ, черезъ подчиненіе хаоса объективной нормѣ. Окончательное возстаніе класса на классъ, интереса на интересъ, окончательная революціонная атомизація общества есть частичное возвращеніе къ первоначальному грѣховному хаосу, выходящему изъ подчиненія закону и не желающему прійти черезъ искупленіе къ новой жизни. Для христіанскаго народа это есть великіи соблазнъ и испытаніе его духа. Объективность науки и научнаго познанія есть въ сущности подчиненіе закону, въ этой объективности есть ветхозавѣтное благочестіе. И есть точка, въ которой совпадаетъ просвѣщеніе религиозное съ просвѣщеніемъ научно-реалистическимъ. Русскій народъ нынѣ болѣе всего нуждается въ освобождающей объективности религиознаго и научнаго просвѣщенія. Это просвѣщеніе должно научить существованію объективной истины.

Николай Бердяевъ.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА ВЪ ИСТЕРИКѢ.

татья В. Кадашева.

Недавно одинъ иностранецъ говорилъ мнѣ:

«Вась русскихъ, до сихъ поръ считали удивительно мягкимъ, добрымъ и жалостливымъ народомъ. Но наблюдая русскую жизнь послѣ революціи, факты въ родѣ Калуца, насилуванія раненыхъ женщинъ изъ «Баталіона Смерти» на Галиціискомъ фронтѣ или егорьевскихъ убійствъ—я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что нѣтъ на свѣтѣ народа кровожаднѣе».

Иностранецъ, конечно, былъ правъ не до конца. Недаромъ сказано, «не поймешь и не оцѣнишь»...

И если у него, зрителя со стороны, кровавая сумятица нашихъ дней вызвала лишь осуждающую мысль объ исконной кровожадности русской натуры,—то мы, дѣйственные участники этой сумятицы, съ горемъ и смятеніемъ, брошенные въ ея темные водовороты, не должны успокаиваться на этой мысли, хотя она, какъ обладающая всеобъясняющей простотой, довольно соблазнительна.

Не въ кровожадности дѣло. При зрѣлищѣ безлѣпой сутолоки, охватившей Русь, всеобщаго маниловскаго фантазерства, сочетаемаго, однако съ архивѣрской жестокостью, сентиментальныхъ ужимочекъ въ сторону злѣйшаго врага и зубовъ, оскаленныхъ на родного брата, если родной братъ не раздѣляетъ малѣйшей юты твоихъ воззрѣній, нелѣпой свистопляски бредовыхъ жаланій и порывовъ, правильнѣе вспомнать не столько бенгальскихъ тигровъ, коими мы являемся, по мнѣнію моего иностранца, сколько слабыхъ, хрупкихъ, больныхъ женщинъ.

Увы! Ужъ не настала ли на Руси печальная пора, когда всѣ мужчины умерли, и подъ почтенными брадами, подъ лихо закрученными усами, подъ стальными мускулами, подъ гордыми лицами скрываются не отважныя души мужей доблести, брани и совѣта, но заячьи сердца, робкихъ, пугливыхъ, слабонервныхъ женщинъ?

«Гордый взоръ иноплеменный» не досмотрѣлъ, не съ той горы взглянулъ на бѣдную русскую равнину. Не «кровоавый левъ, отвагой леопардусъ», коему любо острыми когтями рвать сырое мясо—наша Россія. Она—бѣдная дѣвочка, Красная Шапочка, капризная, потому что ее оставили безъ сладкаго. Она совсѣмъ не злая, вовсе не кровожадная.

Она—женщина, а «женская природа сама по себѣ есть начало двусмыслія и безразличія, воспримчивое ко лжи и злу не менѣе, чѣмъ къ добру и истинѣ», говоритъ Вл. Соловьевъ въ предисловіи къ третьему изданію своихъ стиховъ.

Оттого-то такъ переменчива, такъ противорѣчива бѣдная Красная Шапочка. Вотъ она поразила міръ безконечнымъ самоотверженіемъ, не колеблясь, просто и честно, отдала любимую игрушку «большому мальчику доброй сосѣдки». А черезъ мгновеніе безсмысленно жестоко, сама, быть можетъ, не понимая, зачѣмъ, разорила птичье гнѣздо, оборвала крылышки мотыльку.

Величайшая трагедія нашей національной души—ея женственность. Здѣсь корень и первопричина тѣхъ

невѣроятныхъ противорѣчій, тѣхъ бѣшеныхъ антитезъ, что превращаютъ, и быть, и бытіе Россіи въ нѣчто близкое къ анекдоту.

Иногда анекдотъ ослѣпительно прекрасенъ, иногда глубоко трагиченъ, иногда—просто смѣшенъ, иногда—безобразенъ до высшаго омерзения, словно внезапно наткнулся на гнѣздо шипящихъ подкожныхъ гадювъ.

Отсюда —и вихревые, Икаровскіе взлеты къ недосягаемымъ высямъ занебеснымъ («Das Ewig Weibliche zieht uns hinan!»), но отсюда же—и паденія ниже низкаго, въ провалы самаго чернаго грѣха, въ глубины самая сатанинскія.

Эта чисто женственная суть нашего національнаго лица очень ясно раскрывается въ той «волѣ къ землѣ», которой (куда больше чѣмъ «землей и волей») проникнута вся наша исторія политическая и экономическая.

Если аграрный вопросъ всегда стоялъ въ центрѣ русской жизни и его разрѣшеніе, быть можетъ, есть разрѣшеніе конечнаго смысла русской исторіи—то, не отрицая значенія политико-экономическихъ условій, какъ то—преобладанія въ странѣ земледѣльческаго элемента и пр., развѣ не позволено въ этой концентрации всѣхъ отношеній на земельномъ вопросѣ въ этой мистической тяготѣ къ землѣ въ этомъ религиозномъ къ ней отношеніи (народническое—«Земля-Божья») видѣть выраженія исконной основы души русскаго народа—ея женственности?

Ибо въ бытіи—земля есть высшій символъ начала женскаго.

Однако, несмотря на свою изначальную страдаемость женское начало вовсе не лишено волѣ къ творчеству. Оно жаждетъ оплодотворяющихъ возбуждителей.

Отсюда вѣчный стонъ Россіи, въ національномъ ликѣ коей черты женственныя опасно преобладаютъ, объ «отсутствіи людей».

— Нѣтъ людей, жаловались и отцы и дѣды наши въ тяжкіе дни романовской Имперіи.

— Нѣтъ людей, плачемся мы—граждане республики.

— Нѣтъ людей, т.-е. нѣтъ выразителей мужскаго, дѣйствительнаго начала, которыхъ въ жаждѣ творчества व्यскуеть наша женственная душа.

Но было бы глубоко ошибочнымъ принимать эти жалобы, какъ дѣйствительный фактъ, предполагать что «людей» у насъ на самомъ дѣлѣ не имѣется.

Были, есть и будутъ на Руси носители мужскаго, дѣйствительнаго начала, полные мучительной и яростной любовью къ претворенію великихъ возможностей, тѣмныхъ пассивной покорностью русской женственной души въ завершенныя цѣнности. Нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось вливать солнечную энергію своего хотѣнія въ безформенный хаосъ страдательной души, нации, и собирать обильный плодъ своего посява, выявляя изумленному міру нескончаемую мощь силъ, таящихся въ семъ хаосѣ.

Но еще больше ихъ погибло жертвами неудавшейся и напрасной любви къ неприявшей ихъ родинѣ.

Въ великомъ переполохѣ, который многіе принимаютъ за міровыя потрясенія, и который, на дѣлѣ, лишь отчаянная истерика, Красная Шапочка капризно пренебрегаетъ дѣйственной мужественной волей лучшихъ сыновъ свихъ.

— Я сама, я все сама!

И такъ какъ въ неустойчивой неформленности своей, Красная Шапочка одинаково способна сейчасъ покаянно бить себя въ перси, восклицая —хуже и поганѣ меня нѣтъ никого на свѣтѣ,—а черезъ мгновеніе горделиво превозвышаться:

— Я—соль земли и свѣтъ міра,—то къ этому «я сама» обыкновенно присоединяется нестерпимое самодовольство, нестерпимая самовлюбленность.

— Я не только себя сама устрою, но я другимъ укажу пути спасенія.

На дѣлѣ, конечно, Красная Шапочка только воображаетъ, будто ей вѣдомы эти пути. На дѣлѣ—въ ослѣпленіи истерически-экстазическаго припадка, она безъ дороги бродитъ въ дремучемъ лѣсу, трогательно воображая, что идетъ «per aspera ad astra» и, не видя, какъ изъ-за кустовъ зорко слѣдитъ за ней умный волкъ, какимъ зловѣщимъ огнемъ сверкаютъ его налитые кровью глаза, какъ страшно оскалились его острые, бѣлые зубы.

И если появляется мудрый, знающій тайныя тропы охотникъ, «ловецъ всѣ дни отдавши лѣсу», если его отчаянный голосъ зоветъ:

— Куда идешь, Красная Шапочка? Не здѣсь, не здѣсь—путь на широкое приволье залитыхъ солнцемъ полей. Такъ ты придешь только къ темнымъ чащобамъ, гдѣ гнѣзятся дикіе звѣри,—тщетны и напрасны его призывы.

Красная Шапочка, въ отчаянныхъ вскрикахъ налетѣвшей на нее истерики, осыпаетъ его оскорбленіями, отвергнетъ его мужественную руку и пойдетъ дальше навстрѣчу вѣрной гибели одна.

Ибо миражъ сладкихъ конфетъ, которыя будто бы ждуть ее въ мѣстѣ ей одной вѣдомомъ, задурманилъ, опьянилъ ея бѣдную, смятенную голову.

И втунѣ бросить она неистощимыя сокровища творческихъ возможностей, скрытыхъ въ душахъ немногихъ умудренныхъ, «ловцовъ всѣ дни отдавшихъ лѣсу», немногихъ сыновъ своихъ, въ коихъ живетъ мужественная душа создателей и героевъ.

Подобно тому, какъ втунѣ оставляетъ она таиться въ нѣдрахъ земли своей многомиллиардная сокровища ископаемыхъ богатствъ.

И больше. Возненавидитъ ихъ всюю страстью взволнованной припадкомъ, женственной души...

Зачарована она маревомъ, призракомъ сладкихъ конфетъ и торговъ, которыя будто бы ждуть ее. По старой польской поговоркѣ хочеть «небесныхъ миндалей», и всякая препона къ несуществующимъ, шеколаднымъ замкамъ ей не переносна.

Эта ненависть ужасна: ибо женщины ненавидятъ до конца, безъ прошенія и безъ примиренія.

Великая, небывалая опасность кроется въ этой полоумной истерикѣ.

Въ ней—звѣрская жестокость, въ ней гражданская война, въ ней братоубійство, въ ней—полный разрывъ между тѣми, кто, несмотря на всѣ раздѣленія партийныя, классовыя, сословныя—все-таки братья.

Опасность, которую наша бѣдная Красная Шапочка, наша лакомка, пойметъ, быть можетъ, тогда, когда будетъ поздно.

Пора опомниться. Пора взять себя въ руки.

Пора дать Красной Шапочкѣ брону и валерьяновыя капли.

Пора понять, что самоотдача на волю разбушева-

шейся стихии неоформленного хаоса женственной стихии—преступление. Пора вспомнить, что только вѣрное руководство дѣйственного, мужскаго, мужественнаго начала приводит къ созиданію. Взбунтовавшаяся же пассивность, вырвавшись хаосъ ведетъ лишь къ разрушенію. Что «изъ хаоса изъ чернаго

рождается звѣзда»—лишь при условіи покоренія этого хаоса мужественной волею.

Пусть на время будетъ обижена Красная Шапочка. Лучше претерпѣть минутное лишеніе, чѣмъ безвозвратно быть скушанной злымъ волкомъ.

Владиміръ Кадашевъ.

СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

【Записи С. Федорченко.

— Хворала она, хворала, а здороваго къ здоровому тянетъ. Связался я съ другой. Опротивѣлъ мнѣ домъ мой, жаль жены, ничѣмъ не винна. Какъ жаль, сказать не могу... Ни разку не попрекнула, а что знала, не сомнѣвался я... Взгляду ейнаго боялся... все она молчала, до самой смерти...

— Къ рѣкѣ полянка бѣжитъ, деревьями усажена ровно такъ. Зеленъ по ней бархатная, и посередь ея, ручеекъ туда же въ рѣку бѣжитъ. Глазу сладко и сподручно на простоту эту радоваться...

— Загудѣло грому страшнѣе, обвалилась на насъ земля. Сразу то ничего не понять, духъ пропалъ. А какъ пришелъ въ разумъ, смерти тяжче, живой въ могилѣ... Песокъ во рту, въ носу, дышать нечѣмъ, опять обезпамятѣлъ... Откопали вотъ, весь поломанъ, и чубъ сивый...

— Усталъ я воевать... Сперва по дому тосковалъ, потомъ привыкъ, новому радовался... Страхъ пережилъ—къ бою сердце горѣло... А теперь—перегорѣло, ничего нѣту... Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни бою не радуюсь, ни смерти не боюсь... Усталъ...

— Ахъ, бабы обманья... Хуже нѣтъ, какъ еще и болѣзнь отъ ней... Я одну себѣ снялъ. Баба что печь, ни червотчинки... А на другую недѣлю меня въ срамную палату отправили... А какъ ее бить-то пришелъ, она и говоритъ: «а ты меня объ чемъ спрашивалъ? Какъ кобель молчалъ»... Оно и правда...

— Не надобно бы о плохомъ мечтать, грѣхъ и вредно... Я теперь кромѣ женскаго пола, ничего во снѣ и не вижу. И все, будто, мнѣ мѣшаютъ. То не хочеть она, то я не могъ, то стрѣлять стали. А то такой сонъ снится: ходить здоровая баба по хатѣ, все наружу. И я въ чемъ мать родила. И такъ до нее присыпаюсь. Согласна, будто, баба, пристроились на лавкѣ, все какъ слѣдуетъ. Вдругъ лавка къ небу, а я думаю, только бѣ мнѣ свое поспѣть, давно бабы не видѣлъ... А лавка къ намъ въ деревню, да къ женѣ въ избу насъ и предоставила... Въ ангельскомъ то видѣ... Жена меня съ бабы кочергой сбила...

— Ровно кругомъ сѣть невидимая раскинута. Ходимъ мы безпечно, пока въ сѣть ту не вступимъ. А тутъ, разъ, прихлопнуло, и нѣтъ души человѣчей...

— Черезъ всю землю война пораскинулася, одна отъ нее дорога, на тотъ свѣтъ... Кабы знатъе, какое тамъ житъе,—давно бы ушелъ...

— Что бы понялъ я, какъ жить, не одного меня учить надобно. Не прощу я, выучившись, что дѣды-отцы въ бѣдѣ темной сидѣли... Коль я своихъ русскихихъ жалѣю, и кровью къ имъ теку, такъ на свѣтъ одинъ идти не согласенъ, не совращай...

— Очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы румыны съ нами противу нѣмца воевали, хорошій больно народъ. Меня всегда изъ Новоселицъ къ нимъ за спиртомъ посылали, за Прутъ. Ночью подойду, черезъ рѣчку вплавь, а они на середку лодкой выѣдутъ, и тебѣ и табаку, и водки, и чего душа хочеть. А разъ къ себѣ увезли, и такую бабу предоставили, что назадъ то еле собрался. Чуть было дезертиромъ и сталъ.

— Я какъ въ К. въ лазаретѣ лежалъ, сидѣлочку себѣ приспособилъ. Какъ за нуждой идти, ей моргну, подѣ лѣсницей и сойдемся. Только поворачивайся. Вотъ разъ, только я съ ей пристроился, а врачъ сзади зашелъ, да за ухо. И отправили меня за эти нѣжности въ военный госпиталь. Что на каторгу сослали, перевязка разъ въ три дни, обращеніе матерное, пища собачья.

— Осмотрѣлъ ее фельдшеръ, гдѣ достала, говорить, стерва?... Мужъ де приѣзжалъ и наградилъ... Врешь, мужъ такой бѣды своей законной женѣ не сдѣластъ... Она плакать, вѣрно, говоритъ, меня офицеръ позвалъ, приходила, чтобъ вечеромъ бѣлье взять... Я пришла, а они трое меня ажъ полночи мучали. Отпустили и три рубля дали. Съ той поры и хвораю, это въ Рен... было, штабные съ жиру бѣсились...

— Принеси вышивокъ... Я и пошелъ. А это къ вѣнцу рубахи у нихъ. Баба и въ дѣвкахъ спинку гнула, да золотомъ расшивала, все радость видѣлась... Вотъ те и дождалась радости, мужа австрийцы угнали, а ее нашъ братъ грабить...

— У насъ вотъ: англичанинъ, французъ, итальянецъ, самые хороше все народы... А у нихъ кто?... Австриецъ—тотъ же нѣмецъ, только дерьмовый, турокъ—драться здоровъ, словъ нѣтъ, только за челоуѣка его и считать то грѣхъ... А теперь вотъ болгаръ съ имъ въ союзъ вступилъ...—Этотъ совсѣмъ сволочь...

— Лекарство сталъ принимать. Докторъ ругается, не работай, да не работай, а то совсѣмъ кишки выльзуть... Вотъ лѣсъ возилъ и вывалились кишки. А на

войну годень оказался. Здѣсь все легко, коли страхъ подымаешь...

— Развѣ жъ я знаю, что въ полякѣ плохого есть? Я того не знаю. А больно вѣжливъ... Мужикъ сѣрый, а ужъ такъ вѣжливъ, просто душа въ кулачекъ сжимается... Хоть бы «дурнемъ» когда приголубилъ, и того нѣтъ... Замазанъ, заспанъ, а все панъ да панъ...

— Должны по закону запретъ сдѣлать бабѣ сердце военное рвать. Я дрожу, боюсь за нее, попрекаетъ стерва и хахалемъ грозить. Какой я царю воинъ, коли баба меня за сердце письмомъ вяжетъ?.. Что тамъ письма смотрять, революцію ищутъ, лучше бѣ язву бабью искореняли...

— Все мы съ нимъ ругались. Сердце до него лежить, а что скажетъ,—все не по мнѣ. Ночью вдвоемъ рѣшились, четверыхъ сзади оставили. Больше всего боязно, чтобы онъ, сохрани Богъ, Георгія первый не получилъ... И чего это они отъ насъ бѣжали? Вѣрно, цѣлую роту разглядѣли, а насъ двое... Въ потмахъ и блоха страхъ... Я двоихъ взялъ. А онъ офицера ихняго привелъ, и крестъ получилъ... Теперь я его за счастье очень уважаю...

— Чѣмъ я его перевяжу, нѣтъ ничего... Я съ себя сорочку срывать сталъ... Только спину заголилъ, да черезъ голову ташу, какъ хватить меня по голому то заду... Чисто пороть задумали... Ну, ужъ тутъ я скоренько его завязалъ, да съ имъ въ околодокъ и пошелъ. Вотъ жгло задъ то, не заголяйся на людяхъ...

— Велить что ночью ему бабѣ водить. Баба плачетъ, не до того ей. Ни избы, ни хлѣба—земля да небо,—а тутъ ему пузо грѣй... Да еще напьется, всю срамоту на людяхъ старается производить. Смотрите молъ, какъ я до бабы здоровъ... Вотъ ужъ—здоровъ какъ борзовъ, а и глупъ, что пупъ...

— Какъ блеснетъ ей въ глаза мой крестъ,—на все, говоритъ, согласна... Получилъ я удовольствие, назадъ иду, а взводный меня въ зубы... «Откуда крестъ»?.. Господи, что мнѣ было... Сколько за бабу нашъ братъ муки принимаетъ...

— Сейчасъ полотно рвать. Вотъ понадѣлали портянокъ. Я себѣ все съ буквами углы рвалъ, гербъ ихній, корона да двѣ буквы... Вѣрно, что война хоть зла, да тѣмъ мила, что со стола, то и подъ себя...

— Сдается мнѣ, потому простой народъ глупъ, что думать ему некогда. Кабы былъ часъ подумать хорошенько, все бы онъ понялъ не хуже господъ. А душа въ простомъ свѣтлая, и кровь въ емъ свѣжая.

Пожалуй, что и лучше господъ, все бы разъяснилъ, кабы часокъ нашелся...

— Николи я такъ не потѣлъ, не трудился, какъ за букваремъ... Кабы не вѣрилъ, что безъ того нельзя, тятка заколотить, ни въ жизнь муки такой не несъ бы. Выучилъ букварь, склады складывалъ, а запрегся въ тягло, все забылъ... Рабочему мужику грамота—тягота...

— Гудокъ прошелъ, я въ ворота, смотрю, идетъ, на меня не глядитъ. Приказчикъ къ ей. Она хвостомъ вертитъ, а отъ него ажъ паръ валить, такая имъ другъ на дружку охота. Взялись объ ручку, пошли, я за ними. Они въ чайную, я ввалился, грому надѣлалъ. Отдай жену, кричу... «Бери», говоритъ, «вотъ она, вся твоя... А только завтра расчесть»... А мнѣ расчесть не въ расчесть, ребяты двое... Смирился, шапку разодралъ, да не на немъ, а кровную... Ушелъ изъ чайной то въ кабакъ, да кабы воля, и посейчасъ бы такъ...

— И чего отъ меня думаетъ, не пойму... Умасливаетъ, и такой, и сякой, намазанный... И уменъ то, и доберь, чего молъ плѣхо жить такому орлу... Иди, говоритъ, за нами, мы русскому народу свѣтъ показать хотимъ... Къ чему, думаю, рѣчи такія?.. А какъ сидѣлъ на подсудной скамьѣ, такъ сказать былъ долженъ, за что жидовъ громилъ... Вотъ и сказалъ, что нанялся, правду сказалъ... Изъ суда домой пришелъ, хозяинъ бить сталъ за правду за мою... Говорить, «развѣ душу нанимаютъ? А что деньги дадены, такъ то на прожитье». Билъ и срамилъ, и въночные перевелъ...

— Скачетъ козочка, страхъ въ ней играетъ, надъ землей несетъ легче вѣтра. Онъ за ней въ лѣсъ вошелъ, споткнулся объ грудку какую то, упалъ, встать не въ силахъ. Нѣмецъ раненый лежитъ, и его за груди держитъ, не пускаетъ... Сопутъ, борются... Грызть сталъ нѣмцу руки, пустилъ проклятый, только глазами смерти кличетъ... Винтовку приложилъ, пальнулъ, у того глаза на лобъ... А коза ушла, гнаться не сталъ, объ нѣмца послѣдний зарядъ разрядилъ... Обидно охотнику...

— Изстрадался я очень... Какъ принесли меня, раздѣли до чиста, и стали вѣжлевно коло раны мыть. Свѣту не взвидѣлъ, лучше бы на полѣ сдохъ. А кричать совѣщусь до того, скорѣе память потеряю, а не крикну, такъ чего то совѣстно... Тутъ надѣли мнѣ намордникъ, и считать приказали. До десяти насчиталъ, а въ ухахъ, словно фортапяны играютъ. На одиннадцатомъ какъ въ воду ухнулъ, на тотъ свѣтъ... Прокинулся, кромѣ что боли страшусь, ничего въ умѣ не имѣю. А какъ опомнился, анъ они меня на цѣльный на аршинъ окарнали, изукрасили...

ЕМЕЛЬКИНА РУСЬ.

Статья Петра Рысса.

Все, что можно было сказать, уже сказано. И сколько бы ни ярилась стихия болтовни, ничего нового не даст она. Мы погрузились въ омутъ сѣрыхъ словъ, бездѣля и тоски безнадежности. Россія пылаетъ, и изъ конца въ конецъ перебрасываются языки пламени, въ которомъ гибнетъ культура молодой страны и надежды ея на будущее.

Изъ гроба поднялся Емелька Пугачевъ. Слышенъ свистъ и несется брань Стеньки Разина. Въ странѣ царить грубый бунтъ. Разнузданная солдатчина и безобразящая мастеровщина гуляютъ во всю. Не это, пожалуй, страшно. Бунтъ ничтоженъ самъ по себѣ, если онъ сознаетъ себя бунтомъ. Тогда онъ быстро течетъ, ибо психически преодолимъ. И онъ гаснетъ, какъ вспышка неразумнаго гнѣва, какъ на мгновенное пробужденная ярость стихии. Страшно другое, когда бунтъ считаетъ себя разумно-государственнымъ, не разрушающимъ, а устрояющимъ. Въ этомъ случаѣ онъ психически непреодолимъ и развивается планомерно, ибо и въ анархii есть своя планомерность, свои законы развитiя, свой разумъ дѣйствiя.

Посмотрите теперь, въ эти скорбные дни всероссiйской агонii, книги, описывающiя великую французскую революцию. Вы убѣдитесь, что тотъ бунтъ длился долго, пока не превратился въ революцию. Мы часто забываемъ, что революция есть «вращенiе», при которомъ совершается замыканiе круга. А для этого обязательно сочетание силъ, сочетание темперамента, воли и дѣйствiя. Грандиозны были темпераментъ и дѣйствiя великой революци, но не соотвѣтствовала имъ воля Францiи. Маятникъ революци раскачался слишкомъ въ сторону,—и явился Бонапартъ, и въ его лицѣ воскресъ престоноародный Людовикъ XIV.

Въ 1848 году дѣйствiя французской революци были болѣе чѣмъ радикальны, но не было вновь могучей единой воли,—и явился Наполеонъ III, и въ его лицѣ воскресъ престоноародный Людовикъ-Филиппъ. Теза и антитеза и въ политикѣ даютъ синтезъ. Самодержавiе и охлократiя порождаютъ, въ быстротѣ чередованiи, только Бонапартовъ, чтобы затѣмъ дать парламентаризмъ.

Я пишу не какъ человѣкъ, профессiей котораго является литература. Ни въ комъ изъ насъ—пишущихъ—нѣтъ теперь, кажется, охоты къ политическому писательству, которое обостряетъ мысль, чтобы состязаться съ противниками. Увы, мы дошли до того, что хотѣлось бы живымъ въ гробъ лечь и не видѣть позора и горя, что навалились на Россiю. Умъ отказывается работать, ибо ничего не видишь, кромѣ крови и огня. Я вижу трупы офицеровъ, изуродованные трупы юношей, плывущiе по водамъ Финскаго залива. Видятся изнасилованные женщины и дѣвочки. И этотъ омерзительный запахъ гари и запахъ денатурата. И отвратительный вой пьяной, озвѣрѣлой толпы, грабящей, насилующей, убивающей. Великiй Боже, за то ли такъ боготворили этотъ народъ, за то ли гибли на висѣлицахъ, въ каторжныхъ тюрьмахъ

въ изгнанii, чтобы оказаться лицомъ къ лицу съ кровавыми звѣремъ. Или такъ тонка пленка культуры, чтобы сокрыть въ человѣкѣ его звѣря...

Говорятъ, исторiя повторяется... Къ сожалѣнiю. Такъ было и во время великой французской революци. Вотъ толпы якобинцевъ и дезертировъ грабятъ дома, насилуютъ женщинъ да еще пляшутъ фарандолу. Вотъ пьяная чернь Гренобля, вѣшающая на фонаряхъ «аристократовъ». Бывшiй поваръ Ратье, обезглавливающiи дамъ за то, что тѣ имѣютъ пудру, т.-е. «замаскированный порохъ». Рѣзня въ Монпелье, въ Марсели... Пушки, направленные на дома помѣщиковъ; горящiя усадьбы; сжигаемый хлѣбъ; уничтожаемая скотина,—и тамъ—на копыяхъ пьяныхъ отъ крови людей—сердца старыхъ, иногда восьмидесятилѣтнихъ, отставныхъ офицеровъ, и ликование толпы и—главное—вѣра, что такимъ именно путемъ человѣчество возрождается, и Жанъ-Жакъ Руссо благословляетъ этихъ убийцъ и пасильниковъ.

Деревня не даетъ хлѣба. Изъ городовъ отправляются по селамъ вооруженные люди и силой забираютъ припасы. Дороги кишатъ разбойниками. Солдаты бродятъ по дорогамъ и убиваютъ встрѣчныхъ. И въ каждомъ городкѣ свой клубъ и свой комитетъ и тамъ говорятъ-говорятъ безъ конца, вспоминаютъ о Маркѣ Аврелии и творятъ уголовныя дѣла.

А въ центрѣ—Парижъ, огромная и свирѣпая говорильня, которая своими словами губитъ страну больше, нежели бандиты Журданъ, Мэнвель или Турвамо. Нѣтъ власти единой, но есть власть—самостоятельная и деспотическая—каждой отдѣльной общины, города, округа, департамента. Идетъ война между отдѣльными городами, устанавливаются законы въ каждомъ отдѣльномъ селѣ, взыскиваются налоги, декретируемые деревенскими клубами,—и ни одна община не желаетъ знать о государствѣ. Слово Господь наводнилъ Францiю двадцатью пятью милiонами бѣсноватыхъ, чтобы они живьемъ поѣдали другъ друга.

То же переживали и другiя страны въ разные времена. Да развѣ не потрясалъ зрѣлищемъ своимъ Римъ временъ Лукулла и Цезаря, Лепида и Октавиана, когда легiоны не желали расходиться по домамъ, требуя денегъ и бесплатно земель, пока суть да дѣло уничтожая посѣвы, грабя мирное населенiе, насилуя женщинъ. Развѣ не страшна была агонизирующая Византия, превратившаяся въ исполнскiи сумасшедшiй домъ.

Мы имѣли, слѣдовательно, передъ собой образцы... утѣшенiя. И мы знаемъ, что причина повсюду была одна и та же, ее формулировалъ въ свое время И. Тэнъ, сказавъ, что худшая сторона анархii это не отсутствiе уничтоженнаго правительства, а зарожденiе новыхъ правительствъ низшаго качества. Когда распадается государство, въ немъ образуются неограниченныя въ своей власти банды.

Россiя—тоже распадается. Горе, странѣ, гдѣ

маленькіе провинціальные адвокаты являются на большой столичной процесс... Рожденный революцией, хотя и въ незаконномъ бракѣ, Керенскій мнитъ себя законнымъ наслѣдникомъ российской государственности. Онъ, привыкшій къ мудрости конспиративныхъ кружковъ, плоть отъ плоти болтуновъ, а ІІ Черновъ и Мартовъ, кость отъ кости демагоговъ типа Троцкаго. И всѣ эти Либеры, Гоцы, Даны, Чхеидзе—вся эта придворная челядь его величества пролетаріата (70%—неграмотныхъ) пресмыкаются предъ инстинктами темныхъ и озвѣрѣвшихъ массъ и—пресмыкаясь—думаютъ володѣть страной и строить ее по своему кофейно-конспиративному плану.

А далѣе—далѣе гдѣ-то, пока въ отдаленіи, маячитъ фигура генерала Верховскаго, бряцающаго большой бутафорской саблей. Онъ шлетъ поклонъ совѣтамъ рабочихъ депутатовъ, онъ произноситъ бахвальныя рѣчи, такъ расхваливаетъ себя, такъ гордится собой... Неужели Россія породила тоже карикатуру на великаго Наполеона... А вотъ адмиралъ Вердеревскій, блестящій морской дипломатъ для... центрофлота, котораго такъ уважаютъ выборгскіе и гельсингфорскіе матросы.

Послушайте: неужели Россія гибнетъ не только физически, но и морально... Правительство революціи—это мораль, это—психология народа. Да неужели эти болтуны и лжецы, захватившіе власть, неужели это совѣтъ, пусть больной, но—Россіи... И неужели этимъ людямъ дано вывести страну изъ бѣды... Я не вѣрю этому, ибо вѣрю въ другое: въ могущество организованной кучки захватчиковъ. Иначе—пришлось бы пустить себѣ пулю въ лобъ...

И, когда видишь всѣхъ этихъ болтуновъ, развязныхъ и трусливыхъ, когда слышишь ихъ слова, —ощущаешь, поскольку даже французская революционная анархія 1790—1792 года была благороднѣе и величественнѣе нашей. Да, тамъ власть разлагалась, но въ разложеніи она была *національной* и *народной*, соответствующей Франціи того времени. Въ ней жилъ духъ великаго патріотизма. И даже Марать, даже Журданъ были подлинными патріо-

тами, даже марсельскіе бандиты любили Францію и умѣли умирать за нее.

Въ нашихъ политикахъ изъ кофейнъ нѣтъ и капли любви къ Россіи. Они мнятъ страну, какъ огромное ристалище личныхъ честолюбій и партійныхъ дрызгъ. Тамъ—во Франціи, когда отечество было объявлено въ опасности, по городамъ и селамъ трещалъ барабанъ. И на трескъ его выбѣгали люди изъ домовъ, и старики и подростки брали ружья и уходили волонтерами спасти родину или—по крайней мѣрѣ—умереть за нее. И тамъ правительство, неопытное и необразованное, но сильное своимъ патріотизмомъ, работало, призывало гражданъ къ жертвамъ и само стояло въ первыхъ рядахъ. И съ безпощадной суровостью карало правительство всѣхъ, уклонявшихся отъ патріотическаго долга, всѣхъ, разстраивавшихъ оборону.

Какъ не похожа Россія на Францію того времени. У насъ верховодятъ именно тѣ, кто разстраиваетъ оборону. Косматый звѣрь пораженчества проникъ даже въ правительство. И эти совѣты, съ марта по іюль проповѣдывавшіе миръ и защищавшіе «братальшиковъ», они и теперь ведутъ анти-національную политику и швыряютъ въ толпу анти-патріотическіе лозунги. И рожденные революціонною пѣной захватчики власти улыбаются налѣво, болтаютъ о ножѣ, вонзенномъ въ спину революціи, и не видятъ, что по рукоятку лезвіе вошло уже въ живое тѣло Россіи. Они сидятъ на своихъ мѣстахъ, цѣпко держатся за власть, окружаютъ себя янычарами, боятся живого слова, интригуютъ, изворачиваются... Откуда вы появились, новые самодержцы несчастной и дѣлимой Россіи...

Я вижу адское зарево. Все небо надъ нашей родной въ кровавомъ огнѣ. И въ отблескахъ пожараща я различаю фигуры карликовъ, смѣющихся считать себя вождями Россіи. Кто посадилъ васъ на тронъ народной Россіи: Стенька Разинъ, Емелька Пугачевъ, дезертиры, пьяные мастеровые... И доколѣ будете сидѣть и управлять?

Петръ Рысь.

СУДЬБА РОССІИ И НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Статья Бориса Кремнева.

Россія не можетъ погибнуть. Народъ, среди котораго жили такіе таланты и геніи, какъ Ломоносовъ и Лобачевскій, Пушкинъ и Достоевскій, Александръ Ивановъ и Врубель, Глинка и Мусоргскій,—народъ, у котораго были такіе вожди, какъ Петръ Великій, такіе полководцы, какъ Суворовъ, такіе святые, какъ св. Сергій, такіе пророки, какъ Владиміръ Соловьевъ: такой народъ погибнуть не можетъ.

Но у народа великаго должны быть и задачи всемірныя. Если наши поэты и пророки будутъ вняты лишь намъ, москвичамъ, казанцамъ, воронежцамъ; если міръ не признаетъ нашего генія; если парижане и австралійцы упрямо не стануть изучать языкъ нашъ: мы не осуществимъ той задачи, той цѣли, какія поставила намъ исторія.

Великіе дары нашего генія мы должны отдать міру. А для этого одинъ путь—великодержавіе Россіи.

Но не странно ли теперь говорить о немъ? Не странно ли теперь въ дни нашего паденія и позора

говорить о единствѣ Россіи? Или позора нѣтъ вовсе и жить еще можно, не стыдясь? Но вотъ 8 октября я прочелъ въ газетѣ такую телеграмму: «Комиссаръ Тобольска сообщаетъ, что въ городѣ создано «невыносимое положеніе». У дома, гдѣ живутъ Романовы, происходятъ манифестаціи. Было всенародное молебствіе около дома съ колѣнопреклоненіемъ и пѣніемъ стараго гимна. Темный народъ изъ окружныхъ деревень стекается во множествѣ въ городъ. Комиссаръ сообщаетъ, что охрана ненадежна, и предлагаетъ правительству экстренно перевести Романовыхъ въ малонаселенную мѣстность».

Это ли не позоръ? Въ то время, какъ жалкая сотня идейныхъ авантюристовъ, а иногда и вовсе безыдейныхъ, соблазнивъ утомленныхъ солдатъ возможностью бросить оружіе, править свой бѣсовскій шабашъ на развалинахъ Россіи, тамъ, въ ея глубинѣ, зрѣетъ истинная, а не мнимая контръ-революція, поднимаетъ свою голову лютый звѣрь злѣйшей реак-

ци. Это ли не позоръ? Нельзя безнаказанно глумиться надъ естественнымъ чувствомъ національнаго достоинства: въ отвѣтъ на безобразія циммервальдскихъ безстыдниковъ послѣдуютъ безобразія тобольскихъ мужиковъ, да и однихъ ли тобольскихъ? Такъ и будетъ, ибо можно изуродовать это естественное чувство родины, отечества, сыновства, но убить это чувство нельзя. И мужики пойдутъ служить молебны о здравіи Романова, если на новомъ республиканскомъ знамени не будетъ написано твердое и рѣшительное слово о великодержавіи Россіи. Неужели всѣ эти господа Гиммеры, Мартовы, Черновы и прочіе мнимые социалисты воображаютъ, что они, вольно или невольно прозябавшіе на задворкахъ русской или швейцарской журналистики, выражаютъ собою въ какой-либо мѣрѣ мужицкую Россію. Не разочаруйтесь, господа Гиммеры! Вы не захотѣли честно и прямо отказаться отъ гнусной двойственной международной игры, — вы, какъ Григорій Распутинъ, мечтавшіе и мечтающіе о мирѣ съ Германіей во чтобы-то ни стало: вотъ за это лицемѣріе ваше послѣдуетъ возмездіе и мужицкая темная Россія подниметъ отъ отчаянія старое знамя ветхой государственности. Страшно предчувствовать это, но къ ужасу нашему — такъ будетъ, такъ будетъ, если всѣ эти незнакомцы тотчасъ же, незамедлительно, не оставятъ въ покоѣ Россію.

Когда-то въ эпоху революціонныхъ войнъ, когда старая Германія была раздавлена демократической арміей Наполеона, Шиллеръ, оплакивая нѣмецкую государственность, утѣшалъ себя тѣмъ, что не умерла духовная Германія и вѣрилъ въ непреходящее нравственное значеніе идей свободы и равенства. Но можемъ ли мы утѣшать себя такъ, какъ утѣшалъ себя благородный и свободолюбивый нѣмецъ? На порогѣ девятнадцатаго вѣка побѣды Франціи знаменовали собою торжество демократическихъ идей, а въ наше время побѣды Германіи знаменуютъ собою самую глухую и нетерпимую реакцію. Въ соответствии съ этимъ мѣняется и наше положеніе. Старая Германія, уступая натиску французскихъ солдатъ, которые шли съ крикомъ «за свободу и равенство», ничего не теряла морально. Но, вѣдь, теперь соотношеніе силъ и положеній какъ разъ обратное. Теперь мы, республиканцы, терпя пораженія, отдаемъ знамя свободы грубому похитителю народныхъ вольностей.

Одни лишь господа Гиммеры дѣлаютъ видъ, что они не понимаютъ этого.

Итакъ, не странно ли въ такое время говорить о великодержавіи родины нашей? Полагаю, что преходящее торжество предателей не заградитъ уста народоправцамъ. Великодушные и рѣшительные мартовскіе дни служатъ намъ залогомъ будущаго Россіи. Нѣтъ, Россія не должна погибнуть, но для того, чтобы она не погибла, нужна единая и твердая воля тѣхъ, кто взялъ въ свои руки кормило корабля государственнаго. Обладаетъ ли такою единою волею наше правительство? Первые засѣданія Временнаго Совѣта Россійской Республики съ достаточной ясностью обнаружили соотношеніе силъ внутри страны. Первое засѣданіе республиканскаго совѣта покинули большевики, и этотъ уходъ знаменуетъ собою окончательный разрывъ между тѣми группами населенія, которыя стоятъ на точкѣ зрѣнія общенациональной, и тѣми, которыя мечтаютъ воспользоваться нашептываемъ врага для своихъ партійныхъ цѣлей и пла-

новъ, вовсе не интересуясь судьбой Россіи. Однако, ни правительство, ни такъ называемая «революціонная демократія» не понимаютъ, повидимому, сущности переживаемой эпохи. И надо признаться, что г. Троцкий и его друзья яснѣе представляютъ себѣ, какимъ орудіемъ можно съ успѣхомъ бороться съ противникомъ въ дни анархій. Нельзя не признать въ большевикахъ одной положительной черты: они не питаютъ пагубной иллюзіи, что можно управлять страной, пользуясь тѣми методами, какими пользуется правительство въ мирные дни при строгомъ порядкѣ. Большевики понимаютъ, что во время пожара смѣшно вести академическія бесѣды, дѣлать лирическія признанія или обращаться къ нравственному чувству поджигателей или сочувствующихъ имъ свидѣтелей; большевики понимаютъ, что надо или облить керосиномъ избу и жечь ее со всѣхъ четырехъ угловъ или заливать пожаръ водою: краснорѣчіе тутъ не при чемъ. Большевики полагаютъ, что русскую избу надо сжечь до-тла. Они вѣрятъ, что нѣмцы на пожарищѣ наладятъ все на иной и лучший ладъ. И если среди большевиковъ есть такіе, которые работаютъ не за страхъ, а за совѣсть, не пользуясь фальшивыми кредитными билетами, изготовляемыми нынѣ въ изобилии въ Лейпцигѣ, я такихъ большевиковъ уважаю. Пріятно имѣть дѣло съ умнымъ врагомъ. Результаты двухъ способовъ революціонной политики мы видимъ на лицо. Въ то время, какъ Церетелли и всѣ подлинныя социалисты потеряли всякія авторитеты въ глазахъ населенія, большевики могутъ съ увѣренностью опираться на массу. Въ большевикахъ есть прямолинейность, въ ихъ противникахъ ея нѣтъ.

Керенскій обѣщалъ на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи, если понадобится, «душу свою погубить, но государство спасти». Своего слова онъ не сдержалъ. Это надо сказать прямо и открыто. И кажется, теперь уже поздно возвращаться къ тѣмъ надеждамъ, которыя могли быть не напрасными полтора мѣсяца назадъ. Можно-ли теперь спасти Россійскую Республику? И не придется ли намъ испытать еще одинъ послѣдній ужасъ паденія? И, пожалуй, чѣмъ скорѣе онъ наступитъ, тѣмъ лучше: надо умереть, чтобы воскреснуть.

На засѣданіи Совѣта Россійской Республики министръ Верховскій заявилъ, что съ перваго октября по десятое внутри страны было 16 погромовъ, 8 пняныхъ погромовъ, 24 самочинныхъ выступленія всякаго вида, 16 разъ пришлось примѣнять вооруженную силу для подавленія анархическихъ вспышекъ. Повидимому, господинъ военный министръ располагаетъ далеко не всѣми данными о погромахъ въ странѣ. Но даже и этотъ министерскій счетъ достаточно краснорѣчивъ. Въ чемъ видитъ выходъ изъ этого положенія руководитель военнаго министерства? Въ институтѣ штрафныхъ полковъ? Въ дисциплинарномъ судѣ, ограниченномъ 48 часами, послѣ чего карательная власть отдается ближайшему старшему начальнику? Вѣрить ли самъ господинъ министръ въ дѣйствительность этихъ полумѣръ?

Рѣчь морского министра адм. Вердеревскаго была откровеннѣе:

«Если на заводахъ Юга, особенно судостроительныхъ, не наступитъ значительнаго оздоровленія, то передъ нами въ этой сферѣ предстоятъ значительныя трудности».

«Провозоспособность Архангельской и Мурманской желѣзныхъ дорогъ находится въ такомъ положеніи: на Архангельской непрерывно падаетъ, на Мурманской не достигаетъ даже того, что было намѣчено, какъ минимальный предѣлъ, при ея оборудованіи».

«Благодаря крайнему понижению производительности заводовъ, обслуживающихъ балтійскій флотъ, ремонтъ его поставленъ подъ большимъ вопросомъ».

«Положеніе въ Донецкомъ бассейнѣ приводитъ къ тому, что заводы съ каждымъ днемъ получаютъ меньше топлива».

«Если рабочіе организаци не проникнутся сознаниемъ, что на флотъ надо работать день и ночь, то къ веснѣ мы окажемся съ такими слабыми силами, на которыя надѣяться очень трудно».

«Разрывъ между команднымъ составомъ и матросами носить во флотѣ трагическій по своимъ послѣдствіямъ характеръ. Расформировать команду броненосца, изучившую сложный его механизмъ, нельзя, а равнымъ образомъ нельзя создать новой команды на броненосцѣ. Для этого кадровъ нѣтъ, ихъ нужно учить годами, а слѣдовательно, то, что есть, нужно беречь, какъ зеницу ока».

«Комиссары, пріѣзжая изъ Гельсингфорса, свидѣтельствуютъ, что со стороны офицерства никакихъ контръ-революционныхъ стремленій во флотѣ нѣтъ, но если тѣмъ не менѣе между офицерами и матросами лежитъ пропасть, то на днѣ ея находится зря пролитая кровь».

Чѣмъ откровеннѣе адмиралъ Вердеревскій, тѣмъ наивнѣе—или какъ?—звучать его предложенія ввести дисциплину путемъ убѣжденіи и уговоромъ.

За то совсѣмъ не наивенъ господинъ Мартовъ. По его мысли никакой мятежъ внутри страны не долженъ быть подавляемъ вовсе, пока онъ, Мартовъ, не стоитъ во главѣ Россійской Республики. Почему мятежъ не долженъ быть подавляемъ? Потому что это «народное движеніе».

— Анархія не народное движеніе,—кричатъ ему съ мѣста.

Но гражданинъ Мартовъ находчивъ:

— Все равно—хотя бы и *анархическое* народное движеніе.

— Нѣтъ, не все равно!—замѣчаетъ Милуковъ.

— Для данной мысли это все равно,—отвѣчаетъ вождь интернационалистовъ.

Для интернационалиста это все равно. Еще бы! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Возможно ли не уважать гражданина Мартова? У него есть цѣль и онъ знаетъ, куда идти.

Но какія цѣли преслѣдуетъ загадочный генералъ Верховскій? И на что надѣется спасающій свою душу гражданинъ Керенскій?

Борисъ Кремневъ.

11 октября 1917 г.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалия). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ собранія (1812 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСЕЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕОЛАНЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ омутное время. (Печат.)
10. ПР.-ДОЦ. О. Ф. КЕЧЕВЪ. Что такое свобода. (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГИИ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Вакулицъ и бунтари 1917 года. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. О. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФЮДЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Вѣзда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. (Печатается).
22. П. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. „Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96

Открыта подписка на газету „ЗЕМЛЯ“.

подъ редакціей С. С. Кондурушкина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ и СОТРУДНИКИ: Г. П. Васильевъ, О. Волженинъ, П. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, В. В. Каррикъ, В. В. Киселева, О. О. Комъ, Вурушкинъ, И. М. Кричевъ, Э. Ф. Ласафта, П. В. Мокшевскій, В. Н. Тукалевскій, А. М. Хирьяковъ, В. Е. Чешинъ, Вяч. Я. Шимковъ, А. К. Янсонъ.

Газета ставитъ себѣ задачей призывать трудовую Россію къ совидельному творчеству и укрѣплять въ сознаниіи народа завоеванный новый строй.

Первое время «ЗЕМЛЯ» рассыпается для ознакомленія БЕЗПЛАТНО во всѣ кооперативы Россіи, волостные комитеты, на фронтъ, а отдѣльнымъ лицамъ по заявленіямъ въ контору.

Подписная плата за 6 мѣс.—5 р., за 3 мѣс. 2 р. 75 к., за 1 мѣс. 1 р.

Полугодовые подписчики (съ 1 Юля по 31 дек. 1917 г.) получаютъ до конца года бесплатно 12 выжимокъ слѣдующаго содержанія.

1) Толковый словарь (пособіе при чтеніи газет)—С. С. Кондурушкинъ.	7) Хлѣбная монополія — В. В. Каррикъ.
2) Учредительное Собраніе и его задачи Н. Н. Ниселья.	8) Волостное самоуправленіе—А. К. Янсонъ.
3) Земельное устройство въ Россіи.	9) Чѣмъ богата и бѣдна Россія — Э. Ф. Ласафта.
4) Царь или предѣдатель — А. М. Хирьяковъ.	10) Кооперация—В. Н. Тукалевскій.
5) Права человѣка и гражданина—Я. Я. Гуревичъ.	11) Свободная школа и ея задачи—Г. П. Васильевъ.
6) Самоуправленіе отдѣльных частей Россіи—П. В. Мокшевскій.	12) Намъ дѣлала революцію другіе народы.

Въ отдѣльной продажѣ эти книжки будутъ стоить 3 р. 75 к.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, улица Жуковскаго, 24.